не были универсальными для различных социальных, экономических образований.

Несмотря на имеющиеся научные исследования межпоколенческих процессов, различных аспектов молодежной политики, вопросы преемственности, организации работы с молодежью, её роль и место в государственной системе Республики Беларусь требует значительного теоретического осмысления с учетом общемировых тенденций, необходимого долгосрочного планирования общественного развития.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕКСТА В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА

А.К. Мамедов, Э.Д. Коркия

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, 119 234, Москва, Россия,
aktmnauka@yandex.ru*

Отталкиваясь от понимания «смерти» текста как процесса его деконструкции, дробления, упрощения, когда текст вместо сообщения становится сигналом, ниже будут рассмотрены и более современные трансформации его роли и системной организации, приводящие к символической «смерти» через усложнение и переход в гипертекст. Причины преобразования текста сообщения в нарратив и в участника интертекстуальных отношений. Окончательный уход в прагматический аспект информационного обмена в различных сферах (межличностная коммуникация, реклама, журналистика, дидактика). Без смерти, ритуализированного акта, при доминировании сетевых форм коммуникации невозможно его включение в пространство сетевого контента. Теперь после публикации текста, у него есть по большому счету всего два пути: либо он интерпретируется и ретранслируется в таком виде, что неизбежно ведет к инфляции содержания, либо архивируется, что равносильно «похоронам». В любом из вариантов это «смерть» изначального авторского текста, судьбу которого мы рассматриваем. Говоря о деконструкции текста, имеется в виду трансформация той самой общей концепции (коммуникативного намерения), определяющую функциональность современной текстовой деятельности. Ведущими характеристиками актуальной информации, как единицы коммуникации становится ее триггерный (побуждающий) потенциал и способность выступать сетевым контентом (ликвидность). Признаки, характеризующие текст в традиционном понимании: связность, целостность, т.е. способность демонстрировать качества «системы», постепенно утрачивают значение в социальной практике.

Ключевые слова: текст; сообщение; гипертекст; интертекстуальность; прагматика; сетевые коммуникации; информация; деконструкция; сетевой текст; текстовая деятельность.

Стремительно нахлынувшая и в какой-то степени «непрочитанная» эра «информационного общества» бросила вызов наследию цивилизации: практике взаимодействия с окружающим миром, личной идентичности, культурному наследию, кодам ее освоения. «Шок будущего» не только наступил, но и отчасти был пережит, оставив одной из своих проблем «смерть текста», символически обозначенного краха способа передачи опыта в культурной и социальной традиции. Констатация положения, что человек сам в своем слове конструирует свой мир и себя, с необходимостью подводит нас к вопросу о правилах и границах конструирования реальности. В коммуникативной креации реальность претерпевает различные метаморфозы, она многослойна и дискретна, прошлое и будущее наслаиваются друг на друга, создавая чудные и метафоричные конструкты. Таким образом, единого текста, как в Средневековом дискурсе, нет. Предъявляется многослойность текста, «живущего» в своей системе координат. Порождается множественность истин, текст отходит от реальности, но он (текст) и его фантазии тоже порождены действительностью, а значит они истинны [5, с.5-8]. Остаются только слова, они реальнее реальности. Остаются слова, образ, коррелят, ибо текст высказан, опубликован, а реальность есть миг бытия, она мимикрирует. Посему вопросы феноменологии текста крайне актуальны. Сразу отметим, что это не проблема только лишь лингвистики или коммуникации. Она носит общенаучный характер, поскольку затрагивает сферу накопления и передачи знаний в масштабах всего общества – тех специфических навыков, благодаря которым человечество принципиально выделилось из биологической среды как существо, способное к построению изменчивых и совершенствующихся социальных структур. Задача научного анализа институционализации изменений в отношении текстовой деятельности как способа фиксации и передачи социального опыта, актуальна, как никогда прежде. Особую актуальность проблема деконструкции текста имеет в социологии, ибо фреймирование социального поля и детерминантов этого процесса определяет и актуализирует тренды социального развития. Именно в данном ракурсе и определено проблемное поле данной статьи. С позиции теории социальной коммуникации деятельность по воспроизводству текстов рассматривается как ключевой социокультурный

механизм включения сознания в социальное сотворчество. Текст как единица социокультурной коммуникации, представляет собой особым образом организованную содержательно-смысловую целостность. Т.М. Дридзе предлагает следующее определение текста: (это) «система коммуникативно-познавательных элементов, функционально объединенных в единую замкнутую иерархическую содержательно-смысловую структуру (иерархию коммуникативно-познавательных программ) общей концепцией или замыслом (коммуникативным намерением)» [4, с.124]. Положим это определение опорным в рамках проводимого в данной статье анализа, поскольку оно отвечает целям функционально-коммуникативного подхода, с позиций которого мы проводим рассмотрение. Говоря о «смерти текста», мы имеем ввиду трансформацию той самой общей концепции (коммуникативного намерения), определяющей функциональность современной текстовой деятельности. Ведущими характеристиками информации, как единицы коммуникации становится триггерный (побуждающий) потенциал и способность выступать сетевым контентом (ликвидность). Признаки, характеризующие текст в традиционном понимании: связность, целостность, т.е. способность демонстрировать качества «системы», постепенно утрачивают значение в социальной практике. Проблематика трансформации метода развития и сохранения знания была обозначена через проблему научно-методологической мысли в XXI веке. Если даже для постмодернистов суть философской деятельности заключалась в сотворении новых концептов и производстве текстов, то ныне на повестке дня: «Изрекать истину не обязательно; играть в нее на публике — вот цель философа. Современная философия не просвещает, а эпатирует. Игра ума, деконструкция сложившихся представлений дает философу символический капитал – известность [2, с.17-20]. Последняя чаще достигается профессиональным артистизмом, основанным на навыке интертекстуальности (важнейший козырь постмодернизма). Интертекстуальность и означает виртуозную демонстрацию собственной игры в среде профессионалов. К характеристикам современной текстовой деятельности можно отнести: стремление к эпатажу ради достижения известности; стремление к интертекстуальности ради повышения персонального статуса; стремления к комментированию, вместо создания собственного оригинального текста.

Эпатаж. Признаки: намерение противопоставить себя общественным нормам (оппозиция без программы), манифестация себя, громкие заявления,

демонстративный образ. Подразумевает воздействие не посредством качественной информации, оформленной в текст, а стремление повлиять на чувства любыми средствами.

Гипертекст – интертекстуальность. Это утрата текста: его больше нет или он недостаточен для коммуникативного повода. Свидетельство вырождения внутреннего содержания, субстантивного компонента, значимости для адресата. Интертекстуальность это процесс коллективной текстовой деятельности, в редчайших случаях имеющий возможность представить конечный продукт в виде текста. Это определение указывает лишь на процесс бесконечного незавершения порождаемого текста и бесконечной его реатрибуции.

Комментарии. Оценка и интерпретации информационного повода, как признание того, что у комментатора авторского текста нет и не будет. Символическое убийство в себе автора. Принятие на себя вспомогательной роли в конструировании цепочки инфообмена, т.е. уход от результата ради самого процесса порождения нарратива.

Указанные характеристики свидетельствуют о трансформации прежнего способа ретрансляции широкой публике научного знания, – привычного способа передачи нейтральных, не окрашенных эмоционально и отчужденных интеллектуально от персонального авторства конгломератов информации – такими характеристиками должны были обладать верифицированные примеры научных текстов [7, с.281]. Три очевидные характеристики настоящего жалкого бытия текста и в то же время, свидетельства его смерти, поскольку уводят от продуктивной текстовой деятельности. Все это предпочтенное наполнение человеческой жизни, свидетельство той самой «лени» ума, которая «двигает» технологический прогресс. Характеристики человека настоящего и, вероятно, ближнего будущего [6, с.51]. Следует заметить, что ко времени массового распространения сетевых коммуникаций в коммуникативистике уже произошел переход от понимания коммуникативного акта как передачи сигнала к рассмотрению его как взаимодействия коммуникатора и коммуниканта, как форме построения информационно заданной реальности. Сетевая коммуникация обладает особенностями, из которых, самой примечательной можно признать способ ее существования во времени. Единожды возникнув, сетевой контент не исчезнет сам по себе. Затихшая дискуссия может возобновиться с новой силой спустя годы, при этом и старые, и новые топики будут рассматриваться как единое информационное пространство. Эта особенность позволяет определить

сетевую коммуникацию как самоподдерживающуюся, единственной преградой для которой может стать лишь цензура – пре- и постмодерация в интересах гипотетического администратора. Указанная особенность сетевой коммуникации становится следствием принципа устройства ее модели: «все (говорят) для всех (которые отвечают)». Особенная связь с текстом данной коммуникационной модели реализуется собственным специфическим образом. Каждый современный «релизер» предлагает текст, который развивается и дополняется посредством комментариев, но в значительно большей степени оценивается коммуникативным сообществом. Таким образом, сетевая коммуникация как текстовая деятельность направлена не столько на выработку коллективного мнения (на рождение «идеального» текста), сколько на сортировку текстов и их оценку, а также ранжирование их релизеров – построение иерархии новой информационной среды общества [9]. При этом наблюдается снижение требований к уровню текстов при росте уровня конкуренции за внимание сетевых пользователей. Если традиционно коммуникации были направлены на преодоление информационного дефицита, то теперь они существуют уже в условиях информационного перепроизводства. Успешность в сетевой коммуникации (выражение мнения, распространение событийной информации и т.п.) обеспечивается соответствием критериям привлекательности для ее присвоения путем комментария или иного действия (побуждать перейти по ссылке, подписаться на обновления, т.е. добавить информацию в свое медийное пространство). Интересно, как реализуется в этой связи проблема избирательности восприятия. Массовые коммуникации, которые реализуются в настоящем сетевым образом, имеют целью не допускать поиски обходного пути. Это легко понять и вполне можно оправдать тем, что коммуникативное пространство пресыщено акторами, а значит чрезмерно конкурентно. Данная характеристика не имеет прямого отношения к перенаселенности нашей планеты или конгломерации в областях с повышенным качеством сетевого доступа (что лишь отчасти, но также затрагивает и проблему цифрового неравенства). Данное явление еще не получило убедительной характеристики в научном дискурсе [1, с.332]. Оно отражает массовидное сетевое явление роста конкуренции и числа источников сообщений (самого присутствия акторов) в секторах наиболее активного роста локализации зон раппорта. Эти зоны – интернет площадки, набирающие наибольшее число фолловеров контент-лидеров. Всем известны теги их хостингов, но мало кто задумывается, что они, по сути, являются зонами некритичного формирования мнений. В этой связи

тексту будущего отведена роль стимула – триггера, т.е. побуждения сложно организованной информации – вернуться к роли сигнала, как это рассматривалось на заре теории коммуникаций. Смерть, как трансформация роли, – текст постепенно утрачивает важнейшую, но уже архаичную – репрезентативную функцию представления реальности. Репрезентативная функция прежде реализовывалась в «апелляционной» через реакцию на то, о чем, по сути сообщал текст, теперь каждый ищет в нем, персональный смысл, как стимул, благодаря которому формирует свои собственные дискурсы и тематические и семантические направления комментирования. Эти изменения в функциональной структуре текста не позволяют говорить лишь об «апелляционной» или «побуждающей» функции [3, с. 43-49]. Поскольку функция побуждения реципиента генерализована в современном коммуникативном пространстве и определяет само право сообщения существовать, уже не просто «апеллирует» к адресату, мы предлагаем рассматривать ее как «триггерную». Если раньше через имманентную функцию текста мы могли вступать в резонанс (другого выбора, казалось, нет – «чужая душа – потёмки»), то сейчас ввиду информационной искушенности современного индивида (как побочного эффекта информационно-коммуникационного взрыва), каждый естественно порождает свой внутренний текст. Полярные же проявления современной сетевой коммуникации характеризует два типа реакции:

1) По принципу раппорта (однозначное принятие текста, как своего, что уничтожает атрибуцию текста через институт авторства). Происходит замещение исходного оригинального текста пересказом, интерпретацией. Наиболее популярные тексты закрепляются как «мемы» – лишенные авторства эмоциональные стимулы, «отточенные» множественным употреблением.

2) По принципу эпатажа. Оттянуть на себя внимание аудитории релизёра и поднять свой статус (количество комментариев, лайков и пр.). Эпатажность, выступает как показатель степени свободы от заданной реальности и присвоение следствий, которые текст способен задать.

Количественный рост и усиливающее значение паралингвистических способов коммуникации, креолизованность современного текста, требует существенного переосмысления его лингвистической функции. В информационную эпоху тотальной медиатизации и цифровизации попытки создать из реальности текст обернулись обратной стороной – текст создает реальность. Таким образом, оценка трансформации текста, организующей и определяющей новую коммуникационную среду, становится

продолжением философского осмысления онтологии и метафизики бытия социума как элемента развивающегося цифрового пространства. Исследования Джеффа Буше [8, с. 112-119] показывают, что дискурс, возникающий в результате отражения естественной социальной практики, представляет «синхроническую» структуру, то есть является подлинным отображением ее состояния в коммуникативной сфере. Дискурс же, рождающийся в результате действия «социальных агентов», то есть неких лидеров мнений, определенных «политическим стечением обстоятельств», является результатом «непоследовательной практики» и «успешной артикуляции» [5, с.16]. Этот дискурс автор называет «диахроническим», то есть историческим, – тем, который имеет временную протяженность, поскольку не отражает существующую социальную реальность, а активно воздействует на нее с непредсказуемыми из настоящего последствиями. Кроме синхронической и диахронической структур, автор предлагает учесть концепцию «измененной структуры», указывающей на отсутствие эквивалентности происходящих структурных перемен в идеологически мотивированных дискурсах. Отказ от традиционной текстовой деятельности связан с каждой из выделяемых функциональных характеристик текста:

1. Недостаточность его как средства репрезентации реальности. Отсюда направление развития на гипертекст, позволяющий связывать между собой тексты независимо от их филогенетической основы. Феномен популярности Big data, как стремление работать с информационными базами, обладающими повышенной репрезентативностью по сравнению почти с любым текстом.

2. Уход в прагматичность. Собственно, столетняя история этого ухода, вероятно, и привела к возникновению сетевой коммуникации.

3. Импликация функций. Глагольность как противопоставление предметности, поточность и нарративность коммуникационной среды, обусловившей «лингвистический поворот» (связанный с повышенным вниманием к семантике единицы языка). «Итогом этой тенденции стало, однако, то, что была пересмотрена одна из ключевых идей, лежащих в основе лингвистического поворота, именно, что главным объектом лингвистического анализа является предложение. Язык как главный объект анализа уступил место риторике с ее тропами и формами убеждения» [9]. Здесь кроется еще одна характеристика, отражающая причину смерти текста: «необходимо и достаточно». Импликация говорит о снижении

лингвистической избыточности, что также ведет к смерти текста, как мы его знаем.

В настоящем, сетевое общество оперирует «прагматическим» контентом, который стал результатом того самого лингвистического поворота, о котором было сказано выше. Превращение атрибута в модус это и есть генерализация какой-либо характеристики. Способность выступать в роли сетевого контента – основная витальная, а потому генерализованная характеристика текста. Текста, в самом широком его понимании, и главная причина его смерти в классическом понимании, текста – как информационной системы [7, с.271]. Современная трансформация роли и качества текста в общественном сетевом дискурсе была подготовлена историческими процессами первых двух десятилетий прошлого века. Перемещение народов, освобождение многих государств от традиционных устоев, научно-технический прогресс. Эти явления запустили процессы интенсификации межкультурных коммуникаций, приведших к всему спектру глобализационных процессов, в том числе, к появлению самой сети Интернет [3, с. 50]. Новые возможности вызвали к жизни новые правила. Традиционные тексты, особенно в своей способности фиксировать социальный опыт, утратили прежнее значение. Наиболее существенными характеристиками современной коммуникативной среды – «могильщиками» текста, стали полигональность, триггерность, контентность.

Библиографические ссылки

1. Мамедов А.К., Писарева Л.К. «Метаморфозы цифрового общества: трудности роста и риски» // Жур. «Социология». № 3, 2020. С. 4-17
2. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М.: «Высшая Школа», 1980. 224 с.
3. Волнистая М.Г., Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Истина как социокультурное явление: современная интерпретация // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. № 4, 2020. С.14-23
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 324 с.
5. Семенов В., Исаков А. Философское творчество: между Сциллой традиции и Харибдой авангарда. Статья. // «Вопросы философии». № 4, 2004. С. 47-53
6. Korkiya E.D., Mamedov A. K., Vasiliev A.V. The problem of truth in social knowledge: the modern discourse // EurAsian Journal of BioSciences, издательство Foundation for Enviromental Protection and Research (Turkey), том 14, № 2, 2020. P.5103-5108
7. Витгенштейн Л. Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В.Руднева. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. 440 с.

8. Голикова Т.А. Основные тенденции формирования современной русской политической картины мира. // Междунар. науч. жур. «Язык и текст». Т.6. № 3, 2019. 43 - 50 с.

9. Boucher G. The Charmed Circle of Ideology: A Critique of Laclau and Mouffe, Butler and Žižek. Re.Press, 2009. 275 p.

КЛЕТОЧНАЯ ПАРАДИГМА ВЕЧНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

И.Д. Волотовский

*Институт биофизики и клеточной инженерии Национальной академии наук Беларуси,
Ул. Академическая, 27, 220072, Минск, Беларусь*

Какой будет биологическая наука через 25 лет? На какие рубежи выйдет биология? Если бросить ретроспективный взгляд, то мы можем наглядно представить, что произошло с биологией, например, за последние 20 лет. Она радикально изменилась. И это касается в первую очередь физико-химической биологии, изучающей молекулярные, мембранные и клеточные механизмы функционирования биологических систем животного и растительного происхождения и разного уровня организации. Изучено детальное строение и механизмы функционирования большинства внутриклеточных систем, благодаря которым живые организмы функционируют как слаженные четко отрегулированные системы. Расшифрован генетический код. Представлены прорывные разработки, которые рассматриваются в качестве выдающихся достижений биологической науки начала XXI столетия.

Ключевые слова: *биологическая наука; новые достижения; прорывные разработки; наследственные заболевания.*

Прежде чем перейти к изложению моего выступления я хотел бы поблагодарить организаторов семинара за приглашение принять в нем участие. Речь идет о стратегии развития науки Республики Беларусь. Сначала я хотел бы поставить вопрос: «А какой будет биологическая наука через 25 лет?» На какие рубежи выйдет биология? Если бросить ретроспективный взгляд, то мы можем наглядно представить, что произошло с биологией, например, за последние 20 лет. Она радикально изменилась. И это касается в первую очередь физико-химической биологии, изучающей молекулярные, мембранные и клеточные механизмы